

Неделя, 1984, ноябрь, № 48.

Наши земляки

До сих пор широкому кругу читателей был неизвестен интерес писателя Михаила Булгакова к поэзии, его поэтические симпатии. Нам удалось разыскать одно свидетельство его интереса к поэзии, относящееся к раннему этапу его творчества. Предлагаем читателю фрагмент из «маленького этюда» (как его назвал сам автор) — «Муза мести». По жанру это эссе, посвящено оно творчеству выдающегося русского поэта демократа Н. А. Некрасова. По сути — образное размышление о старой и новой России, о месте художника в жизни общества, о живой связи с народом. Автор подписал эссе одним из своих псевдонимов — М. Булл.

Да простит современный читатель неточность стихотворных цитат — очевидно, они приводились по памяти. Это, по-видимому, первая литературная работа, написанная М. А. Булгаковым после его переезда из Владикавказа в Москву в конце сентября 1921 года. Написано эссе до 25 октября 1921 года (когда о нем появилось упоминание в документах Литературного подотдела Главполитпросвета, где М. А. Булгаков работал тогда секретарем).

Судьба булгаковского эссе еще раз подтверждает крылатую его фразу: «Рукописи не горят!». Известно, что в 1923 году писатель сжег все свои неопубликованные рукописи, написанные до этого. Но один экземпляр эссе все же сохранился — в Центральном государственном архиве РСФСР.

МОСКВА.

Владимир БЕССОНОВ, Рашит ЯНГИРОВ.

Украшают тебя добродетели,
До которых тебе далеко,
И, беру небеса во свидетели, —
Уважаю тебя глубоко...

Так язвительно засмеялся поэт над безликим представителем того класса, который вместо добродетели на самом деле был украшен лишь фуражкой с красным околышем.

Застыла на его лице язвительная усмешка и не сходила с него, и скорбные уста роняли жгучие слова гнева.

Смеялся и негодовал над теми, кто его породил самого, и чувствовал умом подлинного провидца неизбежную гнилую гибель тех, из среды которых вышел он сам.

Но полная гнева душа его все же имела два лика.

Лик гнева и лик скорбной любви или жалости.

Ибо любить тех, кого он любил, значило жалеть.

Лик любви обратился туда, где, утопая осенью в грязи, зимою мучаясь в вертящих метелях, жили люди из

Заплатова, Дырвяина,
Разутова, Знобищина,
Горелова, Неелова,
Неурожайки тож,

и для них у него нашлись другие слова. В них не было гнева.

Когда в творческой муке подходил к своему кресту (ибо тот, кто творит, не живет без креста), на нем безжалостно

распинал изменившую своему классу дворянскую музу во имя жителей

Заплатова, Дырвяина,
Неурожайки тож...

...Дворянский класс породил утонченную поэзию. Ее красоты рождались в старых пещерах, там, где белые колонны говорили о золотых снах прошлого.

И для того, чтобы среди белых колонн могли жить золотой жизнью немногие, многие миллионы шли под ярмом по изрезанной полосами тощей земле. Тонкой корой-налетом покрывал дворянский мир другой великий мир — крестьянский.

Этот мир своего певца не имел.

Как запоешь, если ты «идол без головы»?

И вот случилось нечто чудесное: из другого лагеря пришел певец. Изменил своим, возненавидел, стал презирать и гневным ядом наполнил строфы о тех, кого украшали добродетели внутри и венгерки со шнурами снаружи. Нарисовав тех, что держат в руках земные громы, и тех, что, корчась в холопском недуге, вьются у ног громовержца.

Но не может жить великий талант од-

ним гневом. Не утоленной будет его душа. Нужна любовь. Как свет и тени. Они свою любовь отдал великому миру крестьянскому и рассказал, как

...Плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери...

Своим, от которых ушел, — мстил, а этих жалел.

Тем — муза мести, этим — печали.

Потому что только печали были достойны они —

Осокою изрезаны,
Волотным гадом мошкой
Искусанные в кровь...

А раз полюбил, то уж настолько слился с ними, что и страдал и укорял за унижения:

Куда уж нам бахвалиться,
Недаром вахлаки.

МУЗА МЕСТИ

И так до конца дней, печалась и негодуя, дошел до могилы певец неласковой и нелюбимой музы.

Но прошло несколько десятилетий, и вдруг случилось чудо. За эти десятки лет в Заплатовых, Дырвяиных скопилось столько гнева, что не вместила его больше исполнинская чаша. Порвалась цепь великая, но уже не один, а оба конца ее очутились в железных корявых руках и ударили по барину и еще раз по барину.

Все на свете имеет конец. Наступает он и для хорошей жизни. А жил хорошо барин. И даром ходили по Руси Роман, Демьян и Губины, зорко высматривая счастливицу, которому жить хорошо. И искать не к чему было. Он был под носом у Губиных, тут же, в доме с белыми колоннами, окруженном английским парком.

Барин жил хорошо, воистину хорошо. Разве не памятно времена еще Онегина?

А уж брегета злов доносит,
Что новый начался балет...

Так в течение многих десятков лет в урочное время звенел золотой брегет, призывая от одного наслаждения к другому.

И так тянулось до наших дней.

Но однажды он прозвенел нежданно тревожным погребальным звоном и подал сигнал к началу невиданного балета.

От зрелища его поднялись фуражки с красными околышами на дыбом вставших волосах. И многие, очень многие лишились навеки околышз, а подчас и вместе с головой. Ибо страшен был хлынувший поток гнева рати крестьянской.

Певец знал об этом гнев. Знал, что он таится где-то в глубине и что нет края и дна морю крестьянского гнева.

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная,
Гневна, грозна, и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям.

Но тогда, когда он жил, сколько раз расходился гнев народный в улыбку. А в наши дни не разошелся. И были грозные, кровавые дожди. Произошли великие потрясения, пошла раскачка всей земли. Те, что сохранили красные околыши, успев ускользнуть из под самого обуха на чердаки-мансарды загранич, сидели съежась и глядя в небо, по которому гуляли отсветы кровавых зарниц, потрясенные шептали:

— Ишь, как запалили, черти сиволапые. — И трусливо думали:

— Не перекинулось бы и сюда...

Некрасов спит теперь в могиле. Но если бы свершилось еще одно чудо и тень поэта встала бы из гроба, чтоб посмотреть, как, бросая в бескрайнюю вышину гигантские снопы пламени, горят, сжигающая мир старой жизни, великие Революционные костры, он подивился бы своей рати исполнинской, которую когда-то знал униженной и воспевал, и сказал бы:

— Я знал это. У них был гнев. Я пел про него.

И пройдут еще года. Вместо буйных огней по небу разольется ровный свет. Выделанная из стали неузнаваемая рать крестьянская завладеет землей.

И, наверно, тогда в ней найдутся такие, что станут ртыться в воспоминаниях победителей мира и отыщут кованые строфы Некрасова и, вспоминая о своих униженных дедах, скажут:

— Он был наш: певец. Нашим угнетателям, от которых был сам порожден, своими строфами мстил, о нас печалился.

Ибо муза его была — муза мести и печали.

М. БУЛЛ.